

Цыряпкина Ю. Н.

**РУССКИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ:
ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ФЕРГАНЕ)¹**

Рассматриваются вопросы самоидентификации и языковые практики русского (русскоязычного) населения Ферганы. Результаты исследования показали, что большая часть русских адаптируется к условиям проживания в суверенном Узбекистане и осваивает государственный язык. Сложнее происходит адаптация к условиям Ферганы, утратившей советский статус культурной столицы и космополитичного города.

Ключевые слова: *русскоязычные, титульное население, языковые практики, государственный язык, идентичность.*

Этнокультурные процессы в современном Узбекистане, несмотря на их значимость, остаются недостаточно исследованной проблемой. Во время постсоветского двадцатилетия за рамками научно-аналитического осмысления остались важные вопросы этнокультурных процессов среди меньшинств, их адаптации к новым общественно-политическим и экономическим условиям независимого Узбекистана. Одной из крупных этнических групп, помимо титульного населения, в составе Узбекистана являются русские, проживающие в данном регионе со второй половины XIX в. Согласно официальным данным, на 1 января 2013 г. в Республике Узбекистан проживают 24 858 159 узбеков (82%), 809 530 русских (2,6%), 1 449 974 таджиков (4,8%), 211 119 тагар (0,7%), 184 699 корейцев (0,6%) и др. (Материалы... 2014).

В Узбекистане концепция национальной политики в официальных документах не зафиксирована, ее принципы озвучиваются в выступлениях президента И. А. Каримова и его публикациях. В основу государственно-правового регулирования национальных отношений берется статья 18 Конституции РУз, запрещающая любые виды дискриминации, в том числе и по признаку национальности. В общественно-политическом дискурсе существует формула межнационального согласия, предложенная президентом РУз И. А. Каримовым: «Узбекистан – страна межнациональной толерантности». Выбранный руководством страны курс на построение толерантного общества не остался без внимания научной общественности Республики Узбекистан: толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане была проанализирована в монографии Р. Муртазаевой (Муртазаева, 2010: 152). В самом Узбекистане в постсоветский период публиковались редкие монографии, посвященные этнодемографическим процессам в республике, в которых в основном анализировался демографический аспект развития всех народов Узбекистана, в том числе и русских (русскоязычных) (Ата-Мирзаев, Гентшке, Муртазаева, 2011: 252).

В среде узбекских авторов можно выделить Е. В. Абдуллаева – философа, поэта, в настоящее время главного редактора духовного литературно-исторического журнала «Восток свыше». В его работах (Абдуллаев, 2006: 6–35; 2008: 7–10) содержится анализ процессов, связанных с национальным строительством в Узбекистане и изменением роли и значения русского языка в 2000-е гг. без детального осмысления ситуации в различных регионах Узбекистана. Автор выступает свидетелем происходящих событий и фиксирует общие сдвиги в идентичности русского населения в Средней Азии.

К настоящему моменту мало опубликовано комплексных исследований этнокультурных процессов среди меньшинств в городах Узбекистана, как в российской, так и в западной историографии. Это связано с тем, что Узбекистан – закрытая республика, в которой жестко регламен-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ 13-31-01277 «Русскоязычные Узбекистана в 2000-е годы: этнокультурные процессы в условиях „национализирующегося“ государства (на примере Ангрена и Ферганы)».

тируется научная активность как иностранных, так и узбекских ученых. Изменения в среде меньшинств затрагивались в трудах западных исследователей: американского политолога Скотта Радоница (Radnitz, 2006: 653–677), посвященное мотивации к переезду русских и русскоязычных г. Чирчика Ташкентской области, и британского антрополога Мойи Флинн (Flynn, 2007: 267–288), анализирующей изменения в идентичности русскоязычного населения г. Ташкента. Эти публикации написаны на основе интервьюирования населения без привлечения статистических материалов, не всегда доступных в условиях полевой работы в Узбекистане.

Среди англоязычных работ также следует выделить публикацию российско-британского коллектива авторов М. Флинн, Н. Космарской, Г. Сабировой, в которой выявляется роль памяти о советском прошлом у старожилов центральноазиатских городов для понимания современных городских изменений (Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G., 2014: 1501–1524). Данная статья была написана на материалах полевых исследований в двух центральноазиатских городах Узбекистана и Киргизии (Ферганы и Каракола соответственно). Основой для написания публикации послужили материалы интервью старожилов Ферганы и Бишкека, опрашивались как русские, так и представители титульных групп (узбеки, киргизы), особой разницы в мнениях киргизов и русских, узбеков и русских исследователи не заметили, что еще раз доказывает мысль о том, что этничность не является важнейшим фактором идентификации в центральноазиатском городском пространстве. Авторы воссоздают память о символических местах советской Ферганы и Бишкека (в советское время – Фрунзе), в то же время выявляя отношение старожилов к сегодняшним изменениям в городах. Параллельно в статье рассматриваются особенности этнокультурных процессов среди меньшинств в позднесоветский и советский период, полученных методами качественной социологии, что повлекло неточности в использовании статистических данных, так как цифры наличия русскоязычного населения в Фергане на 2007 г. значительно завышены (Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G., 2014: 1506).

В целом можно отметить, что результаты полевых исследований свидетельствуют о том, что механизмы адаптации русскоязычных не всегда укладываются в привычные схемы-представления о дискриминации русских в государствах Центральной Азии и излишне драматизируется вопрос функционирования русского языка в социокультурной жизни республики.

Для того чтобы детально охарактеризовать изменения в этнокультурных отношениях среди русского населения, были выбраны несколько фокусных примеров (case-study) для рассмотрения предмета исследования вплотную.

В рамках данной статьи анализируются этнокультурные процессы среди русскоязычного населения г. Ферганы, возникшего в 1877 г. как центр военной колониальной администрации в Ферганской долине. Среди этнических меньшинств республики русские находятся особняком, их обычно включают в огромную этнолингвистическую группу русскоязычного населения, в которую помимо русских входят корейцы, татары, немцы, евреи и т. д. (Космарская, 2006: 34).

Основой для написания данной публикации стало исследование, проведенное автором в июле – августе 2014 г. в Фергане, в рамках которого было опрошено 15 русскоязычных респондентов, среди них 11 идентифицировали себя как русские, 3 – узбеки, 1 – таджик. Всех респондентов объединял тот факт, что они являлись русскоязычными, урбанизированными жителями, имеющими схожие ценности и менталитет.

Фергана в историческом контексте. Фергана является жемчужиной Ферганской долины, в литературном творчестве прославляется красота города. Фергана – один из немногих городов Узбекистана, построенный на пустом месте после присоединения Туркестана к Российской империи. После ликвидации Кокандского ханства и образования в 1876 г. Ферганской области все областные учреждения и войска размещались в г. Коканде. Однако он не вмещал многочисленный гарнизон царской администрации. К тому же санитарно-гигиенические условия Коканда

были крайне неблагоприятными (Рахимов, 1984: 4). В начале 1877 г. военный губернатор Ферганской области Михаил Дмитриевич Скобелев выбрал место для строительства нового русского города в непосредственной близости от древнего Маргилана, он так и был назван – Новый Маргилан. Наряду с Новой Бухарой (ныне – г. Каган) был заложен город-крепость, организованный на пустыре. Новый Маргилан с 1907 г. переименован в Скобелев, с 1924 г. – Фергану, в русском Туркестане он стал военно-административным центром Ферганской области.

Фергана строилась по стандартному для таких городов плану: крепость, экспланада и радиально-концентрически расходящиеся от них улицы (Куприн, 2007: 2). Необходимо отметить, что в дореволюционной Фергане быстро зародились и действовали отдельные культурно-просветительские учреждения, обеспечивающие высокие культурные, образовательные и досуговые интересы основного населения города – военных офицеров, чиновников и их семей. В 1881 г. открылось Военное собрание, фактически являвшееся клубом офицеров, в котором проводили досуг как военные, так и гражданские чиновники. В дореволюционный период в Фергане появился Ферганский областной музей (ныне – краеведческий), музыкальный кружок с 1913 г., и важно отметить, что футбол в Узбекистане зародился именно в Фергане. В 1912 г. здесь появилась первая во всем Туркестане футбольная команда «Скобелевский кружок футболистов» (Великанова, 2010: 9). В 1923 г. в городе начал функционировать Русский драматический театр, который работает уже более 80 лет и является одним из символов «старой Ферганы». По сравнению с другими городами Ферганской долины Фергана в дореволюционное и советское время являлась культурным, европейским, русскоязычным центром (Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G., 2014: 1506).

В советский период в Ферганской долине была создана база для выращивания главной экспортной культуры Узбекистана – хлопка. Здесь появилась промышленность, специализировавшаяся на обработке хлопковолокна, а также отдельные предприятия легкой промышленности. В 1942 г. был построен Ферганский нефтеперерабатывающий завод. В период СССР в Фергане работали завод химических волокон, завод азотных удобрений, текстильный комбинат, шелкомотальная фабрика, масложиркомбинат и комбинат искусственных кож. Были также хлопкоочистительный, молочный, консервный комбинаты, обувная фабрика и две тепловые электростанции (Колбинцев, 1979: 51).

Специфика зарождения города и его промышленная база обусловили и этносоциальный состав его жителей – большинство населения Ферганы в советское время были русскими (русскоязычными). В этом проявилась несбалансированность советской политики по подготовке кадров. Руководству СССР было легче и удобнее через систему оргнаборов укомплектовать появившиеся в результате индустриализации промышленные предприятия в советских республиках, чем затратить финансы и время на подготовку квалифицированных кадров из местного населения. Соответственно, русские преобладали в составе рабочих, служащих и интеллигенции в промышленных городах, тем более в Фергане, появившейся в дореволюционный период.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. можно выделить этнический состав Ферганы. В 1926 г. в городе проживало 14 275 жителей, среди которых русских – 7 942 (55%), украинцев – 667 (4,6%), немцев – 111 (0,7%), евреев – 514 (3,6%), евреев среднеазиатских – 164 (1,1%), татар – 728 (5%), армян – 388 (2,7%), узбеков – 3 011 (21%), таджиков – 132 (0,9%) (Всесоюзная перепись, 1928: 148–149). Примерно 75% населения Ферганы являлись русскими и русскоязычными, около 25% – коренные жители Ферганской долины, в основном узбеки. Фергана была молодым городом в составе Узбекской ССР, в котором выделялся особый дух интернационализма, в городе не было однородной этнической структуры, что придавало ей атмосферу космополитичности (Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G., 2014: 1506).

Для анализа идентичности современного русскоязычного населения выделяется несколько характерных особенностей Ферганы, отличающих ее среди других городов Ферганской доли-

ны и Узбекистана. Во-первых, статус культурной столицы. Несмотря на свою молодость, Фергана в советское время имела все возможности для развития культурной жизни. В ней появился Русский драматический театр, который стал одним из символов города на долгие годы. Интервьюеры сообщили, что в театре работали выдающиеся художественные руководители, такие как В. Гасин, Г. Д. Абдулов (отец Александра Абдулова. – Ю. Ц.) и др. В Фергану на гастроли приезжали московские театральные труппы. В свою очередь, ферганские актеры неоднократно бывали в Москве (Полевые материалы автора, О., русская, 2014).

К тому же город стал центром образования и науки. В Фергане работал Высший педагогический институт, созданный в 1930 г., в который во время Великой Отечественной войны эвакуировали лучших московских и петербургских преподавателей. Фергана являлась одним из самых читающих городов Средней Азии в СССР. Из интервью А.: «Да я помню, потому что мы с семидесятого года по девяносто первый, в Средней Азии Фергана занимала первое место по количеству продажи книг населению! Мы были всегда первыми, вторыми была Алма-Ата, третий Ташкент... Если сюда приходило сто пятьдесят экземпляров истории декоративного искусства Марана!» (Полевые материалы автора, А., русский, 2014). Эту особенность Ферганы отмечали и другие респонденты, в том числе наличие в Фергане огромного книжного магазина, в котором продавались самые дефицитные в СССР книги. В статье М. Флинн, Н. Космарской и Г. Сабировой также акцентируется внимание на наличие уникального магазина «Книга», который в 1970–1980-е гг. являлся частью культурного комплекса города (наряду с гастрономом, парком, библиотекой, музыкальной школой и т. д.) (Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G., 2014: 1509).

В-третьих, в Фергане сформировалась уникальная ферганская школа поэзии, расцвет которой пришелся на 1970–1980-е гг. Основателем ее стал ферганский поэт Шамшад Абдуллаев, узбек, выпускник факультета русской филологии Ферганского педагогического института, неоднократно занимавший призовые места в российских литературных конкурсах. В 1990-е гг. было признано, что русскоязычная поэзия на бывшем постсоветском пространстве обязана в принципиальном обновлении узбеку Шамшаду Абдуллаеву.

В целом высокий уровень образования, культуры был характерен для всех жителей города без разделения на национальности. Одна из интервьюеров отметила, что в поездке в Москву в советское время она была горда тем, что в Узбекистане в совершенстве владеют русским языком: «Мои узбеки разговаривают на русском языке лучше, чем дикторы центрального телевидения!» (Полевые материалы автора, С., русская, 2014). Подобная особенность подчеркивается и в упомянутой выше публикации группы авторов М. Флинн, Н. Космарской и Г. Сабировой о том, что культурное сообщество Ферганы объединяло население города по интересам, профессиональным привычкам, ценностям и образу жизни, которые пересекали границы этнической принадлежности (Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G., 2014: 1509).

Вышеперечисленные символы и особенности ферганцев в советское время сформировали «староферганскую идентичность» (Полевые материалы автора, С., таджичка, 2014), о которой напрямую заявили только двое респондентов, но большинство о ней говорили в контексте. «Староферганская идентичность» подразумевает урбанизированный стиль жизни, причастность к высокой культуре и образованию на русском языке, причастность к городскому духу интернационализма, сложившегося в Фергане в советское время и др.

Языковые практики русского (русскоязычного) населения в постсоветской Фергане. Этносциальный состав Ферганы за истекшее 23-летие кардинально изменился. Отток населения из города начался во второй половине 1980-х гг., усилился после трагических событий 1989 г., продолжался в 1990–2000-е гг. в связи с национализацией общественно-политической жизни в Республике Узбекистан. В 1990–2000-е гг. в связи с внутренней и внешней миграцией значительно изменился этнический состав города (таблица).

Национальный состав Ферганы по данным на 1 января 2013 г. (чел./%)
(Материалы... 2013)

Год	Всего	Узбеки	Русские	Таджики	Татары	Корейцы
2013	261 382 (100%)	236 268 (90%)	9 018 (3,4%)	3 114 (1,1%)	626 (0,2%)	2 028 (0,7%)

Фергана перестала существовать как полиэтничный, интернациональный город. Большинство населения – узбеки (около 90%). Этнических меньшинств в Фергане осталось не так много: русские – 3,4%, таджики – 1,1%, татары – 0,2% и корейцы 0,7%. В 1990-е – начале 2000-х гг. Фергана перестала быть крупным индустриальным центром, были закрыты крупные промышленные предприятия. Согласно принятому постановлению президента Республики Узбекистан И. А. Каримова «О мерах по осуществлению генерального плана города Ферганы, строительству и реконструкции объектов социального и транспортно-коммунальной инфраструктуры в 2012–2015 гг.» были вынесены в промышленные районы и за черту города основные предприятия города (масложиркомбинат, завод азотных удобрений и др.), что лишило привычной сферы занятости русское (русскоязычное) население.

Вышеперечисленные изменения привели к тому, что узбекский язык в Фергане более распространен в социокультурной жизни, чем в Ташкенте и в городах Ташкентской области (Ангрен, Алмалык). Узбекский язык успешно осваивается именно молодым поколением русского (русскоязычного) населения, что совершенно расходится с установками на изучение узбекского языка в г. Ангрене. Председатель Русского культурного центра в Фергане Г. А. Аюпджанова подтвердила, что в Фергане каждый второй русский знает узбекский язык (Полевые материалы автора, Г., русская, 2014). Скорее всего, это связано с тем, что в самом городе осталось не так много промышленных предприятий, соответственно, исчезла сфера применения русского языка. В Фергане в настоящее время в большей степени развита сфера услуг. Учитывая тот факт, что 90% населения города узбеки, причем не коренные жители Ферганы, а переселившиеся из близлежащих районов сельской местности в город, а также приезжие из соседней Киргизии, не владеющие русским языком, то в сфере услуг, системе управления, здравоохранения и даже в системе образования активнее всего используется узбекский язык. Это вынуждает русских (русскоязычных) осваивать узбекский язык и в повседневной жизни, и на работе. Из 15 опрошенных в Фергане респондентов разных возрастов пятеро владеют повседневным узбекским языком, все остальные знают государственный язык «на уровне базара»². Двое опрошенных респондентов в разных учебных заведениях преподают предмет «Общее фортепиано» на узбекском языке. Для сравнения: в том же Ангрене (Ташкентская область) русских насчитывалось 4 621 человек (2,6%) на начало 2013 г. (Материалы, 2013), но из опрошенных респондентов никто не владел государственным языком, не использовались даже подобные формулировки – знание языка «на уровне базара».

В 2000-е гг. в постсоветском Узбекистане можно отметить и другую прямо противоположную тенденцию – повышение спроса на обучение на русском языке. В каждом городе республики школьное обучение делится на классы с узбекским языком обучения либо с русским, в отдельных случаях существуют классы, в которых преподавание ведется на таджикском, киргизском или казахском языке. В одну из лучших русскоязычных школ Ферганы – лицей № 2 (Лицей мировых языков), по неофициальным данным, летом 2014 г. поступило около 600 заявлений на прием в первый класс, хотя набирались только два класса с русским языком обучения (Полевые материалы автора, С., таджичка, 2014).

Причинами столь высокого спроса на школьное образование на русском языке являются:

² Подобную формулировку выбрало большинство опрошенных респондентов.

– устойчивый миф о качестве и преимуществах образования на русском языке, сохранившийся еще с советского времени;

– обучение на русском языке является условием больших возможностей продвижения по карьерной лестнице как в Республике Узбекистан, так и за ее пределами. Этот фактор часто упоминался во время полевых исследований в Фергане, где родители-узбеки ориентируют детей на обучение на русском языке с углубленным знанием английского, чтобы затем отправить учиться в Россию или Европу;

– социально-экономическая ориентация на Россию в связи с трудовой миграцией. Актуальным становится предположение Е. В. Абдуллаева, заметившего, что в 2000-е гг. Россия возвращает себе символический ресурс «старшего брата», что придает статусность русскому населению среднеазиатских государств (Абдуллаев, 2008: 9).

Западные исследователи также солидарны в том, что русский язык по-прежнему значительно укоренен в крупных государствах Центральной Азии. Например, У. Фиерман в своей публикации доказывает, что русский язык в постсоветской Центральной Азии играет гораздо более важную роль, чем в странах Балтии или Южного Кавказа, даже там, где проживает минимум русского населения (Fierman, 2012: 1077). Американский исследователь связывает это с тем фактом, что в советское время в высших и средних специальных учебных заведениях даже при обучении в национальных группах (на языках титульного населения) преподавание многих предметов осуществлялось на русском языке из-за нехватки аналогичных учебников на языках титульных народов региона. Соответственно, до сих пор большая часть населения городов республик Центральной Азии может объясниться на русском языке.

В то же время следует отметить, что популярность и распространенность русского языка не всегда означает его полное овладение. Молодое поколение титульного населения, рожденное в конце 1980-х – начале 1990-х гг., получившее среднее образование на государственном языке с сохранением русского как факультативного, не имеет широкого словарного запаса и ограничивается знанием простейших выражений, необходимых для торговли или сферы услуг. Следствием этого становится упрощенное использование русского языка в бытовой сфере и в средствах массовой информации. Еще одну важную особенность подметил респондент из Ферганы, рассуждая о том, что для узбеков, обучающихся в русской школе, «русский язык не становится родным, как это было в советские времена. Они продолжают думать на своем родном языке и к русскому относятся как к иностранному» (Полевые материалы автора, А., русский, 2014).

С одной стороны, кардинальное изменение этносоциального состава города в 1990–2000-е гг. вынуждает русскоязычных жителей Ферганы адаптироваться к процессам суверенизации и осваивать государственный язык, с другой стороны, у узбекского населения также повышаются запросы на освоение русского языка, облегчающего процесс трудовой миграции в Россию.

Вопросы самоидентификации русского (русскоязычного) населения Ферганы. На самоидентификацию русских (русскоязычных) жителей Ферганы значительно влияет символический статус города в прошлом. У опрошенных респондентов прослеживается ностальгия по прежней русскоязычной Фергане – городу образцовой культуры, с театром всесоюзного значения, книжными магазинами и т. д. Причем русскоязычные узбеки и таджики, старожилы города, имеющие староферганскую идентичность, сожалеют о произошедших изменениях в равной степени с русскими. Из интервью Р.: «Когда уезжают европейцы, мне так больно. Я говорю им, не говорите мне, что уезжаете. Я не хочу свою национальность ругать, но я не могу со своей нацией найти общий язык...» (Полевые материалы автора, Р., узбечка, 2014). Подобные свидетельства являются примером несовпадения образа жизни городских русскоязычных и сельских узбеков, вследствие чего под натиском сельской миграции и безработицы Фергану покидают не только русские, но и русифицированные узбеки, переезжающие в столицу.

Полевые исследования свидетельствуют, что опрошенные ферганцы потеряли часть прежней микросреды, привычной для них. Из интервью А.: «...конечно, тот мир, который был такой уютный, такой колониальный, такой баюкающий, – уже не будет. Никогда не вернется» (Полевые материалы автора, А., русский, 2014). Примерно такие же настроения были высказаны в другом интервью молодой женщины М.: «Мы постоянно сетуем на то, что, когда в Фергане было много русских, было лучше. Но это было действительно так. В Фергане был какой-то свой дух, своя культура» (Полевые материалы автора, М., русская, 2014).

В публикации М. Флинн, Н. Космарской и Г. Сабировой также подмечается эта особенность – наличие собственной атмосферы в Фергане, свободы коммуникации, отличающей ее от других городов долины и региона в целом (Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G., 2014: 1510). Респонденты в большей степени обеспокоены не столько внешними изменениями в городе, сколько потерей прежней микросреды.

Другой интересной особенностью русских в Фергане является тот факт, что в самоидентификации некоторых респондентов явно проявлялись остатки «имперского мышления», к примеру, респондент С., рассуждая о своем знакомом, обвиняла его в неряшливости и неопрятности, и ее соображения сопровождалась чрезвычайно важной мыслью: «Разве так должен русский человек ходить здесь?!» (Полевые материалы автора, С., русская, 2014). Опыт полевой работы в Узбекистане показывает, что у русских имеется символический статус, сохранившийся с советского времени, когда приезжее русское (русскоязычное) население было проводником европейской культуры для автохтонного населения региона. Русские до сих пор воспринимаются как образец культуры, пример для подражания, и доверие к русским со стороны титульного населения выше, чем к собратям. В представлениях респондента С., русские должны быть образцом культуры, а именно выполнять ту функцию, которую выполняли еще с советского времени.

Данная мысль высказывалась и в интервью другого респондента, примечательно, что его даже не нужно было подталкивать к рассуждениям о том, почему за 23 года независимости Узбекистана русские (русскоязычные) в совершенстве не овладели государственным языком:

«А. И.: Вот почему русские не учат-то язык (имеет в виду узбекский. – Ю. Ц.)? Ты казахский не знаешь, а почему?»

Ю. Ц.: Почему?»

А. И.: Потому что есть чувство превосходства внутреннего, когда вот над американцами – нет превосходства, все английский учат, французский, да и немецкий, а здесь не учат, вот она ничего не делает (указывает на другую собеседницу. – Ю. Ц.)» (Полевые материалы автора, А., русский, 2014).

Данные установки связаны с тем, что русские в советское время, особенно в городах, не владели вторым языком, что объяснялось имеющимся у них «статусом экстерриториальности». Это понятие ввел норвежский исследователь Пол Колсто. В одной из своих статей он подчеркнул, что русские в советское время в любой республике СССР, даже там, где их было мало (случай Узбекской ССР), чувствовали себя свободно в употреблении родного языка. Уверенности в себе придавало наличие государственных институтов на русском языке (Kolsto, 1999: 613). Соответственно, в СССР для всех групп, исключая русских, национальность была территориализована. Русские не владели языком титульного населения и не стремились к знанию второго языка, так как в городском пространстве в этом не было необходимости.

Еще одной важной отличительной чертой русских в Фергане и русских в Узбекистане в целом является определенное абстрагирование от своих собратьев в России. Это в первую очередь указывает на эмоциональную привязку к Узбекистану как к родине. С другой стороны, Н. П. Космарская связывает это с наличием у русских в Центральной Азии собственной локальной идентичности «среднеазиатский русский» (Космарская, 2006: 216), которая отличает их от русских в России.

Подобные мысли были отмечены в интервью А.: «Приезжаешь (имеет в виду в Россию. – Ю. Ц.), все такие небритые, бочкообразные, сразу бить морду рвутся, пьяные ходят» (Полевые материалы автора, А., русский, 2014). Подобные мифы распространены не только среди среднеазиатских русских, но и среди узбеков и призваны показать дистанцию между среднеазиатскими русскими и Россией, а также положительное влияние мусульманского населения региона на русских в Средней Азии, у которых выработалась стойкость к спиртным напиткам в отличие от русских в России. Соответственно, как узбеки, так и русские с удовольствием поддерживают и транслируют данные мифы.

В завершение следует отметить, что для русского (русскоязычного) населения Ферганы по-прежнему актуальным является вопрос о переезде за пределы Узбекистана. Из 15 опрошенных семь респондентов имеют намерение переехать из Узбекистана, у троих респондентов дети учатся либо уже обустроились за пределами республики, двое респондентов выезжали на заработки в Россию. Пример Ферганы показывает, что молодое поколение русских (русскоязычных), встречаясь с трудностями адаптации, делает выбор не в пользу интеграции в узбекоязычное сообщество (возможно ли это вообще?), а в пользу переезда на новое место жительства по экономическим основаниям. Хотя русские Ферганы менее инертны в деле освоения государственного языка, чем русскоязычные жители Ташкента и городов Ташкентской области. В Фергане сохранились разрозненные остатки прежнего староферганского мира, часть элиты и интеллигенции, которая поддерживает прежний высокий культурный стандарт города, сформированный в советскую эпоху, но это в основном представители среднего и старшего поколения.

В настоящее время очень трудно прогнозировать дальнейшее этнокультурное развитие меньшинств в Узбекистане, особенно в Ферганской долине. Опыт полевой работы в республике показывает, что в сфере межэтнических отношений в городах возрастает отчуждение между русифицированными городскими жителями и выходцами из сельской местности, носителями традиционной узбекской культуры. Основным камнем преткновения является даже не вопрос языка, как показывает практика, в этой сфере и русскоязычные, и узбеки активно подстраиваются друг под друга, большую сложность представляет несовпадение в стиле жизни, ценностях и поведенческих практиках. Привнесение в город сельских практик, иноязычное окружение с невысокими культурными запросами, сокращение прежней микросреды и сфер занятости – все это способствует усилению миграционных настроений среди русскоязычных ферганцев.

Список литературы и источников

- Абдуллаев Е. В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Диаспоры. 2006. № 2. С. 6–35.
- Абдуллаев Е. В. Об идентичности русских Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 7–10.
- Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011. 252 с.
- Великанова Е. Капитан: документальное повествование. Фергана, 2010. 34 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. Узбекская ССР. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. 48 с.
- Колбинцев А. Путешествие по Ферганской долине. Ташкент: Узбекистан, 1979. 118 с.
- Космарская Н. П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. 597 с.
- Куприн А. И. Фергане – 130 лет // Ферганская правда. 2007. 20 июня.
- Материалы предоставлены Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан № 01/3–15–07/3–221 от 7 августа 2013 г.
- Материалы предоставлены Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан № 01/2–05–05/3–50 от 12 мая 2014 г.

- Муртазаева Р. Толерантность как интегрирующий фактор в многонациональном Узбекистане. Ташкент: Узбекистан, 2010. 152 с.
- Полевые материалы автора (Фергана, Г., 60 лет, русская, председатель РКЦ, 29 июля 2014 г.).
- Полевые материалы автора (Фергана, О., 44 года, русская, преподаватель русского языка, 31 июля 2014 г.).
- Полевые материалы автора (Фергана, С., русская, 68 лет, пенсионер, 2 августа 2014 г.).
- Полевые материалы автора (Фергана, Р., узбечка, пенсионер, 2 августа 2014 г.).
- Полевые материалы автора (Фергана, М., русская, 37 лет, бухгалтер, 5 августа 2014 г.).
- Полевые материалы автора (Фергана, А., русский, преподаватель, 7 августа 2014 г.).
- Полевые материалы автора (Фергана, С., таджичка, работает в коммерческой структуре, 10 августа 2014 г.).
- Рахимов М. У. История Ферганы. Ташкент: ФАН, 1984.
- Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64, no. 6. Pp. 1077–1100.
- Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper. 2007. Vol. 35, no. 2. Pp. 267–288.
- Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G. The Place of Memory in Understanding Urban Change in Central Asia: The Cities of Bishkek and Ferghana // Europe-Asia Studies. 2014. Vol. 66, no. 9. Pp. 1501–1524.
- Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // Millennium – Journal of International Studies. 1999. December. Pp. 607–631.
- Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivation for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58, no. 5. Pp. 653–677.

Цыряпкина Ю. Н., кандидат исторических наук, доцент.

Алтайский государственный педагогический университет.

Ул. Молодежная, 55, Барнаул, Алтайский край, Россия, 656031.

E-mail: guzvenko@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 15 августа 2015.

Tsyryapkina Yu. N.

RUSSIAN IN UZBEKISTAN: LANGUAGE PRACTICE AND SELF-IDENTIFICATION (ON THE EXAMPLE OF FIELD STUDIES IN FERGANA)

The article aims at questions of identity and language practice of Russian/Russian-speaking population of Fergana. Ethno-cultural identity of the Russian population, which was formed in the prerevolutionary and Soviet periods, was based on the traditions established in Ferghana as a center of military-colonial administration of Ferghana region: a high level of education of the population, the presence of theatre, reading and wide dissemination of the Russian language in the city. These factors became the basis of “Oldferghan’s identity”, which was acutely aware of the population of Fergana in a difficult post-Soviet period during the active rural-urban migration to the city. During the period of sovereignty in the city, as well as in the country, has changed the status of the Russian language, closed the main industrial enterprises, which were occupied by Russian, decreased the scope of employment, which ultimately led to mass migration from Fergana. If in 1926 in Ferghana lived 55 % of Russian, then in 2013 the share of Russian is 3.4%. “Oldferghan’s Russian” still strives to maintain the high standards of the former culture of Fergana and at the same time adapting to the new realities of the city. The results showed that the Russian master the national language or know it within the minimum necessary for the job. However, conformity to the language question does not mean full integration in the Russian socio-cultural environment of post-Soviet Ferghana.

Adapting to Russian conditions of Fergana, losing Soviet status of cultural capital and cosmopolitan city, is more complicated. Between indigenous people and visitors of Fergana there is alienation associated with completely different lifestyle.

Key words: *Russian-speaking population, titular, language practice, state language, identity.*

References

- Abdullaev E. V. Russkiye v Uzbekistane 2000-kh: identichnost' v usloviyakh demodernizatsii [Russians in Uzbekistan 2000s: Identity in the context of demodernization]. *Diaspory – Diasporas*, 2006, no. 2, pp. 6–35 (in Russian).
- Abdullaev E. V. Ob identichnosti russkikh Sredney Azii [On the identity of Russian Central Asia]. *Etnograficheskoye obozreniye – Ethnographic review*, 2008, no. 2, pp. 7–10 (in Russian).
- Ata-Mirzaev O., Gentshke V., Murtazaeva R. *Uzbekistan mnogonatsional'nyy: istoriko-demograficheskiy aspekt* [The multinational Uzbekistan: historical and demographic aspect]. Tashkent, Yangi asr avlodi Publ., 2011. 252 p. (in Russian).
- Velikanova E. *Kapitan: dokumental'noye povestvovaniye* [Captain: a documentary narrative]. Fergana, 2010. 34 p. (in Russian).
- Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. T. 4. Uzbekskaya SSR [The all-Union census of 1926. Vol. 4. The Uzbek SSR]. Moscow, TsSU Soyuza SSR Publ., 1928. 48 p. (in Russian).
- Kolbintsev A. *Puteshestviye po Ferganskoy doline* [Journey through the Fergana valley]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1979. 118 p. (in Russian).
- Kosmarskaya N. P. "Deti imperii" v postsovetsoy Tsentral'noy Azii: adaptivnyye praktiki i mental'nyye sdvigi (russkiye v Kirgizii, 1992–2002) ["Children of Empire" in post-Soviet Central Asia: adaptive practices and mental shifts (Russians in Kyrgyzstan, 1992–2002)]. Moscow, Natalis Publ., 2006. 597 p. (in Russian).
- Kuprin A. I. Fergane – 130 let [Fergana – 130 years]. *Ferganskaya Pravda – Fergana Truth*, 2007, 20 June (in Russian).
- Materialy predostavleny Gosudarstvennym komitetom po statistike Respubliki Uzbekistan № 01/3–15–07/3–221 ot 7 avgusta 2013 g.* [Materials provided by the state Committee on statistics of the Republic of Uzbekistan no. 01/3–15–07/3–221 on August 7, 2013] (in Russian).
- Materialy predostavleny Gosudarstvennym komitetom po statistike Respubliki Uzbekistan № 01/2–05–05/3–50 ot 12 maya 2014 g.* [Materials provided by the state Committee on statistics of the Republic of Uzbekistan no. 01/2–05–05/3–50 from 12 May 2014] (in Russian).
- Murtazaeva R. *Tolerantnost' kak integriruyushchiy faktor v mnogonatsional'nom Uzbekistane* [Tolerance as the integrating factor in multinational Uzbekistan]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 2010. 152 p. (in Russian).
- Polevyye materialy avtora* (Fergana, G., 60 let, russkaya, predsedatel' RKTs, 29 iyunya 2014 g.) [The field materials of the author (Fergana, G., 60 years old, Russian, chair of the RCC, July 29, 2014)] (in Russian).
- Polevyye materialy avtora* (Fergana, O., 44 goda, russkaya, prepodavatel' russkogo yazyka, 31 iyulya 2014 g.) [The field materials of the author (Fergana, O., 44 years old, Russian, Russian language teacher, July 31, 2014)] (in Russian).
- Polevyye materialy avtora* (Fergana, S., russkaya, 68 let, pensioner, 2 avgusta 2014 g.) [The field materials of the author (Fergana, S., Russian, 68 years old, retired, August 2, 2014)] (in Russian).
- Polevyye materialy avtora* (Fergana, R., uzbeckka, pensioner, 2 avgusta 2014 g.) [The field materials of the author (Fergana, R., Uzbek, retired, August 2, 2014)] (in Russian).
- Polevyye materialy avtora* (Fergana, M., russkaya, 37 let, bukhgalter, 5 avgusta 2014 g.) [The field materials of the author (Fergana, M., Russian, 37, accountant, August 5, 2014)] (in Russian).
- Polevyye materialy avtora* (Fergana, A., russkiy, 37, prepodavatel', 7 avgusta 2014 g.) [The field materials of the author (Fergana, A., Russian, teacher, August 7, 2014)] (in Russian).
- Polevyye materialy avtora* (Fergana, S., tadzhichka, rabotaet v kommercheskoy strukture, 10 avgusta 2014 g.) [The field materials of the author (Fergana, S., Tajik, works in a commercial company, August 10, 2014)] (in Russian).
- Rakhimov M. Yu. *Istoriya Fergany* [The History of Fergana]. Tashkent, FAN Publ., 1984 (in Russian).
- Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus. *Europe-Asia Studies*, 2012, vol. 64, no. 6, pp. 1077–1100.

Flynn M. Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan. *Nationalities paper*, 2007, vol. 35, no. 2, pp. 267–288.

Flynn M., Kosmarskaya N., Sabirova G. The Place of Memory in Understanding Urban Change in Central Asia: The Cities of Bishkek and Ferghana. *Europe-Asia Studies*, 2014, vol. 66, no. 9, pp. 1501–1524.

Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics. *Millennium – Journal of International Studies*, 1999, December, pp. 607–631.

Radnitz S. Weighing the Political and Economic Motivation for Migration in Post-Soviet Space: The Case of Uzbekistan. *Europe-Asia Studies*, 2006, vol. 58, no. 5, pp. 653–677.

Tsyryapkina Yu. N.

Altai State Pedagogical University.

Ul. Molodezhnaya, 55, Barnaul, Altai region, Russia, 656031.

E-mail: guzvenko@yandex.ru